

An impressionistic painting of a bouquet of flowers in a vase. The flowers are in shades of pink, red, and orange, with dark green leaves. The background is a mix of light green and yellow. The painting is done with visible brushstrokes. A white rectangular frame is overlaid on the center of the painting.

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Шоколадница

16+

Джавид Алакбарли

Шоколадница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319241

SelfPub; 2022

Аннотация

Дух великого Лиотара и самой его популярной картины «Шоколадница», пронизывает каждую страницу этой неординарной истории. Здесь есть и любовь, и предательство, и Шемаханская царица, и даже извечное противостояние мачо и интеллигента. И как это ни странно, но все эти злключения приводят, в конце концов, к счастливому финалу.

Джавид Алакбарли

Шоколадница

Тем летом у меня умерла бабушка. Это был единственный человек в нашей семье, кого я по-настоящему любил. Она была частичкой меня самого. Моей лучшей частичкой.

О её чувствах ко мне я ничего рассказать не смогу. Так много слов я просто не знаю. А знаю лишь одно. Если и есть, где то в мире, любовь безграничная и бесконечная, то это, конечно же, по-моему, была любовь моей бабушки ко мне. Именно её любовь способствовала тому, что всё мое детство и вся моя бесшабашная юность прошли в том замечательном мире, который она для меня выстроила.

Она была мудрой женщиной и великим мистификатором. Благодаря ей я верил в то, что где-то высоко в горах на Шахдаге живёт Шахта баба, т.е. Дед Мороз. Письма и подарки от него регулярно в наш дом приносил почтальон. Я лично сам расписывался в их получении и был страшно горд тем, что все мои просьбы он в точности исполнял. Для меня это означало ещё и то, что я весь год, по мнению Деда Мороза, был хорошим мальчиком. Но я-то сам знал, что это не сосем так. В то что не обо всех моих шалостях ему сообщили, я видел ещё одно проявление бабушкиной заботы обо мне.

Бабушка смогла мне внушить, что каждая из четырёх недель перед праздником весны имеет особое символиче-

ское значение. В первую неделю – от спячки пробуждается вода, во вторую неделю – мы все получаем мощный заряд солнечной энергии, в третью – ветер всюду разносит тёплый воздух. И, наконец, в последнюю неделю – от зимнего сна просыпается земля. И только после всего этого может наступить весна. Все ритуалы Новруза для меня до сих пор преисполнены моих детских воспоминаний. Словом, бабушка не отмахивалась, как все взрослые, от меня, а делала всё, чтобы выстроить для меня целый каскад ступенек, ведущих меня из моего детства во взрослый мир.

Благодаря ей, все мои желания начинали обретать реальность ещё до того, как я сам мог понять, чего же я хочу. Благодаря ей я научился слушать своё внутреннее «я» и чётко осознавать, чего же я категорически не хочу. А ещё, начав осознавать это, я научился это озвучивать и не позволять никому навязывать мне те решения и поступки, которые идут вразрез с моими желаниями. Именно благодаря ей, я стал таким, какой я есть.

Мои дни рождения, Новый год, Новруз байрам, начало и завершение дачного сезона – всё это, да ещё и кучу вещей в придачу, бабушка умела превращать в настоящий праздник. Со своими героями и антигероями, со своими традициями и правилами нарушения этих традиций, со своими яркими образами и запоминающимся запахами. Словом, она умела выстраивать вокруг меня некоторую псевдореальность, в которой она была сценаристом, режиссёром, актёром... В об-

щем-то, всем. Она была настолько талантливым человеком, что разницу между этим вымышленным миром и реальной жизнью, я почти не ощущал.

Мои родители были далеко. Да и когда они жили в Баку, с бабушкой они не очень ладили. Считали, что, я вырос фантазёром и мечтателем, благодаря её дурацким методам воспитания, в которых вымысел и действительность имели равные права на существование. Бабушки не стало. Но никому не под силу оказалось уничтожить всё то, что она в меня вложила, Даже моим родителям. Иногда, в пылу наших споров, они уверяли меня, что хоть бабушка и умерла, но она продолжает жить внутри меня. В первый раз, услышав это, я был предельно шокирован. А потом подумал, что если даже это так, то это, в конце концов, не так уж и плохо.

От бабушки мне достались не только воспоминания, но и прекрасная квартира на пятом этаже пятиэтажной сталинки. Трёхкомнатная, с добротной старинной мебелью и неплохим ремонтом. Меня радовало и то, что у бабушки над её пятым этажом был сооружён ещё и шестой этаж. В своё время она, каким-то чудом, смогла переоборудовать чердак дома в приличную мансарду. И, конечно же, я обустроил там свою мастерскую.

Я рисовал с детства. У меня никогда не возникало вопросов на тему о том, кем я стану, когда вырасту. Ответ был только один – художником. В тот год я поступил в Суриковский институт. Вернулся в Баку на неделю, чтобы собрать

свои вещи и уехать на учёбу. Всеми мыслями я был уже в Москве. Оставалось переместить туда только моё брненное тело. Всего семь дней в родных местах и можно будет поселиться в городе моей мечты. Учиться. Учиться рисовать. А ещё просто рисовать то, что хочется рисовать. До одури, до беспамятства, до мельтешения чёрных точек перед глазами. Как я и мечтал.

Тем вечером, сразу же из аэропорта, я поехал в бабушкину квартиру. Взлетел на пятый этаж. Когда попытался открыть дверь, передо мной вдруг возникло какое-то странное существо. Это была девочка. Худенькая-худенькая, тоненькая-тоненькая, с личиком просто неземной красоты. Ей от силы было лет десять. Я сразу догадался, что, видимо, это девочка живет в соседней квартире. Она мне сообщила, что родителей нет дома. В квартире же нет света, а ей очень страшно сидеть одной в темноте. Мне не хотелось заходить в чужой дом и пытаться включить там свет. Она тоже не горела желанием заходить в мою квартиру. Лишь попросила меня не закрывать входную дверь. Скучный свет из моей прихожей освещал её изящную фигурку. Я, почему-то хриплым шёпотом, спросил у неё:

– А можно я тебя нарисую?

– Можно. Кстати, я Эльмира. Но все, почему то, зовут меня Мирра.

Картон, уголь и ровно пятнадцать минут времени. Немного мастерства и это почти нереальное, невесомое, неземное

существо уже обитало у меня на куске картона. Очень было похоже на те рисунки, где художники-фантазёры пытаются рисовать эльфов. И ещё почему-то этот рисунок очень напоминал мне мою бабушку. То ли взглядом, то ли поворотом головы, то ли какими-то чертами лица. А скорее всего, какой-то особой аурой, окружающей эту девочку. Именно она создавала у меня иллюзию того, что в это чудное создание вселилась душа моей бабушки. Умом я понимал, что это чистой воды бред. Но та пара взглядов, которые бросила на меня эта соседка, были точь-в-точь такими, как когда-то у моей бабушки. Я гнал эту мысль прочь, пытался избавиться от ощущений об удивительном сходстве, но всё это, поневоле, как-то осело где-то глубоко внутри меня. В подкорке.

Портрет ей понравился. Она его пристально разглядывала, когда появились её родители. Очень вежливо они поблагодарили меня за то, что я успокоил их девочку. Так и не успев толком познакомиться, мы, фактически, уже распрощались. У меня же остался рисунок. И какое-то светлое ощущение того, что нечто, не до конца мною понятное, но безусловно прекрасное, появилось в моей жизни.

Через неделю я уехал. Приезжал в Баку на каникулы. Летом и зимой. В такие дни я жил в бабушкиной квартире. Правда, говорил всем, что я живу у бабушки. Ничего не уточняя, не говоря, что бабушки уже давно нет на белом свете. Рисовал. А ещё валял дурака. Устраивал пьянки со своими друзьями. Иногда ко мне заживала Мирра. Уже не ша-

рахалась от меня и без страха заходила в мою квартиру. Я угощал её шоколадом и рисовал. А ещё кормил. Заказывал большую пиццу для себя и маленькую для неё. Моя пицца всегда была с разными и всякими там изысками. Она же признавала только свою любимую «Маргариту». Она росла, менялась, выросла. Неизменными оставались лишь две вещи: её привычка объедаться у меня шоколадом и моё желание рисовать её портреты.

* * *

В детстве самым любимым предметом в бабушкиной квартире для меня была железная шкатулка. Она была очень старая. Странно, но со временем, это изображение на крышке шкатулки, так и не потеряло для меня своей волнующей притягательности. Мне было пять лет, когда бабушка объяснила мне, что там изображена женщина с картины «Шоколадница». По мере того, как я рос, она преображалась из чудо-волшебницы, готовящей шоколад и какао для хороших мальчиков, в героиню love story. Бабушка не жалела слов, описывая ситуацию, когда вошедший в венскую кофейню знатный господин был настолько поражён красотой этой девушки, что влюбился в неё и женился на ней. А потом даже заказал художнику Лиотару её портрет. Это был бабушкин вариант истории шоколадницы. В биографиях же Лиотара описывались несколько иные варианты того, кто же была эта девушка и каким образом появился этот портрет. Но факт оставался фактом. Портрет был. Я сам любовался им в Дрез-

денской галерее. И в те минуты прекрасно понимал, почему Лиотара всегда называли живописцем королей и красивых женщин.

А ещё Лиотар ухитрился сделать фантастическую карьеру дизайнера и рекламщика. Правда, уже после своей смерти. Какая-то американская фирма по производству шоколада выбрала из множества работ именно «Шоколадницу» Лиотара и разместила её на своих коробках. Так, «Шоколадница» пришла в каждый американский дом и сделала эту работу одной из самых узнаваемых в мире. Каким образом она ухитрилась попасть даже в бабушкин дом, так и осталось для меня загадкой. Пока была жива бабушка, я этим не интересовался и ничего не спрашивал. Потом бабушки не стало. Спрашивать уже было не у кого.

В детстве я был уверен, что эта шкатулка обладает таким волшебным свойством, что наполняется сама по себе. Даже, если вечером я съедал все сладости из неё, то утром она всегда была полна. Теперь я сам пополнял эту шкатулку. Волшебства уже не было. Я понял, что коробка не наполняется сама по себе. Удивлялся лишь одному – почему сладости из неё перестали быть столь же вкусными, как в те времена, когда ещё была жива моя бабушка. Парадоксально, но факт.

Жизнь шла своим чередом. Каждые каникулы я угощал Мирру конфетами и даже начал называть её шоколадницей. А она величала меня дядей Теймуром. И всё спрашивала:
– Зачем ты всё время рисуешь меня?

Объяснить это ей было слишком сложно для меня. Я чётко понимал лишь одно. Как только она входила в мой дом, забиралась с ногами в массивное бабушкино кресло и утыкалась в свой ноутбук, то у меня на душе тут же становилось предельно комфортно. Она могла уходить и приходить вновь, делать у меня свои домашние задания, пить чай или поедать конфеты. Мне было абсолютно всё равно, что делает она. Одно её присутствие в этом доме наполняло его ощущением какого-то невиданного спокойствия. Мне сразу же становилось хорошо. Даже когда я находился на шестом этаже и не мог её видеть, я всегда ощущал её присутствие.

А ещё Мирра обожала бабушкины старинные часы с боем. После смерти бабушки я старался их не заводить. Причина была проста. Заведя их, я забывал остановить их на ночь, а потом их бой и громкое тикание напрочь прогоняли мой сон. Мирра же никогда ничего не забывала. При ней часы оживали, а после её ухода замирали. Я посмеивался над ней и говорил, что сердце этого дома запускается с её приходом и замирает после её ухода. Её звонкий, как колокольчик, смех был мне наградой за столь изысканный комплимент. Хотя, навряд ли Мирра так воспринимала это. Всё же, наверное, ей ещё никто и никогда так не льстил.

Я чётко осознавал одно. Пока она была рядом, мне было хорошо. И это хорошее предопределялось иллюзией того, что Мирра возвращает в этот дом ту атмосферу, которая здесь была тогда, когда жива была бабушка. Хмурыми мос-

ковскими днями, я часто вспоминал эту, залитую солнцем квартиру и эту хрупкую девочку, всю сотканную из чего-то настолько светлого и чистого, что в её существование, порой, мне плохо верилось. Как великий циник, я иногда поддразнивал сам себя тем, что убеждал себя в том, что я всё это выдумал. И девочку, и её схожесть с моей бабушкой и то, что она умеет, каким-то непостижимым образом, возвращать в моё холостяцкое жильё атмосферу покоя и праздника.

Институт я закончил. Но всё ещё не мог решить, что же буду делать дальше. Пора было определяться. И самое главное понять, что на метание между двумя городами у меня уже не хватало. Я, как все эксцентричные люди, бросил монетку. Жребий выбрал Баку. И я полетел именно туда. В город, в котором солнце и ветер правили бал.

Проснувшись рано утром, я отправился в ближайший супермаркет. Когда вновь взлетел на свой пятый этаж, то увидел Мирру. Заплаканную. И продолжающую плакать. Почему-то не у себя в квартире, а прислонившись к моей двери.

– Что случилось? И почему ты здесь, а не у себя дома?

Она не могла отвечать. Рыдания душили её. Я помнил её совсем девчушкой. Как она играла в классики. Как смешно болтались из стороны в сторону её косички. Но я никогда не видел её плачущей. Пока она выросла и хорошела она могла максимум нахмурить свои брови и сморщить свой нос. И никакие неприятности никогда не вызывали у неё слёз. А ещё я помнил, что когда в прошлом году, я приезжал сюда,

это уже была сформировавшаяся юная девушка. Теперь же я видел перед собой просто красавицу. И она не просто плакала. Она была в отчаянии. Видимо, на неё свалилась какая-то беда, которая просто раздавила её. Я тихонечко спросил у неё:

– Хочешь пойдём ко мне? Может выпьешь чаю и успокоишься?

Она не возражала. Прошло, наверное, больше часа пока она, наконец то, перестала плакать. Вот тогда она и сообщила мне, что жизнь её загублена и что ей лучше всего исчезнуть с лица земли. Да ещё не показываться больше на глаза родителям, родственникам, друзьям, подругам. Словом, никому из тех, кого знает она и кто знает её. Из обрывков того, что она смогла мне рассказать я понял, что девочка беременна.

– Сколько же тебе сейчас лет?

– Через неделю будет 18.

– И что же он? Вернее, где же он?

– Он дал мне деньги на аборт. И ещё назвал дурой. Сказал, что мне давно пора повзрослеть и научиться нести ответственность за свои поступки.

– Что же ты будешь делать?

– Наверное, умру. Только вот малыша жалко.

– Но ведь можно же что-нибудь придумать? Конечно, не в плане того, чтобы помочь тебе умереть.

Из выданной мне скудной информации, я понял, что отец этого малыша был мне знаком. У нас во дворе была хорошая

спортивная площадка. Все ребята с окрестных дворов собирались здесь, и я хорошо помнил его по футбольной тусовке. Он был постарше меня на пару лет. Сразу после школы уехал учиться в Лондон. Страшно гордился тем, что кончил там какую-то крутую школу экономики. Но я и не подозревал, что он уже вернулся в Баку. Последний раз мы встречались с ним в Стамбуле на какой-то выставке. Он, как всегда, с присущим ему гонором, обронил, что возглавляет там филиал какой-то солидной компании.

Мне удалось кое как успокоить Мирру. Попутно я выяснил, что её родителей сейчас нет в стране. Они были настолько погружены в свою профессию, что в отличие от моих родителей, с 16 лет дали девочке полную свободу. Сбрасывали ей какие-то деньги на жизнь и считали, что она может и должна жить так, как ей хочется. Всё учли. Кроме одного. На такую «Красную шапочку» всегда найдётся свой «Серый волк» .

– Давай-ка иди домой. Успокойся. Приходи ко мне завтра, часиков в шесть. Думаю, к этому времени что-нибудь прояснится.

Выяснять мне надо было многое. Ведь я знал, что этот псевдопоклонник Мирры был благополучно женат на дочери известного бизнесмена и воспитывал двоих девочек. Интересно, знает ли об этом она? Утром я узнал, где находится его бакинский офис и отправился туда. У офиса было аж три входа. Один был для простых посетителей, другой

– для сотрудников, а третий для него – самого-самого крутого «биг-босса». Именно этот вход тщательно охранялся. В глаза бросались три кордона. Сначала это были обычные полицейские, потом телохранители и только затем два личных помощника. Значит поговорить лично, навряд ли, мне удастся. Ведь очевидно же, что у меня нет ни единого шанса просочиться сквозь эту выстроенную систему защиты покоя и интересов этого бесценного кадра. В общем, эта смесь супермена и менеджера в одном флаконе ухитрилась соорудить вокруг себя целую защитную линию, достойную того, чтобы попасть в учебники по военному искусству. Не пробиться.

А ещё я выяснил, что на обед он обычно уезжал в пафосный ресторан с национальной кухней. Брал там отдельный кабинет. Практически, укладывался в отведённый ему, по всем писанным и неписанным правилам, регламент. Его всегда сопровождала секретарша с хорошеньким личиком и рабочими губами. Почти идеал секретарши. Я просто пообедал в том же ресторане. Не пересекался с ним даже взглядами. Всего-навсего проникался пониманием того, что этот фрукт мне не по зубам.

Я честно пытался всё ещё раз переосмыслить. Анализировал, размышлял, делал какие-то выводы. Конечно же, этот парень хорошо говорил на нескольких языках. С точки зрения нашей новой молодёжи, был прилично образован, понимал толк в экономике. Очевидно, что он воспринимал любые знания исключительно сквозь призму того, можно ли их

превратить в инструмент зарабатывания денег. От него просто пахло деньгами. Так же, как от других, пахнет потом или парфюмом. Это был такой типичный образец молодого мужчины, порождённого нашим временем и нашим обществом.

Но при этом, в человеческом плане, он не переставал быть засранцем. Для него девочки, типа моей шоколадницы, всегда были, всего-навсего, привлекательным свежим мясом. Ведь когда секс без любви, а трах без удовольствия, то хочется именно общения с такими чистыми девочками. Мальчику, видимо было просто скучно, вот он и поимел Мирру. То, что она была невинна, купилась на его сладкие речи и рискнула раздвинуть ножки перед ним – это были её проблемы. Обычно такие самцы, сразу после завершения сексуальной игры, нажимают кнопку «delete» и выбрасывают из памяти всякую информацию о таких девочках-однодневках. Получается, что нечего мне с ним и говорить. Так же бесполезно его к чему-то призывать. Такие люди живут в абсолютно другой реальности. Им так комфортно. Мы там жить не можем. Не хватит кислорода. Да и многого другого.

Но, если с ним мне было всё предельно ясно, то с Миррой всё было с точностью да наоборот. Очевидно, что девочка переживала жуткую трагедию и была абсолютно одна. Из опыта общения с ней, я знал, что у неё, практически, нет близких подружек. Её родители в рамках какого-то проекта «Врачей без границ» были где-то очень далеко и помочь ей не могли. А помочь надо было здесь и сейчас.

Поэтому взял себя в руки и попытался понять, что я в состоянии сделать и в чём может заключаться моя помощь. Думать-то я думал, а сердце ныло. Ведь думал я не только о том, что нам делать, но и о том, как порой судьба ломает таких юных девочек, превращая их чистые помыслы в грязь. Как их мечты предают их. Как какие-то засранцы подрезают им крылья и они перестают летать во сне и наяву. А ещё я очень боялся, что я попросту не выдержу всей тяжести того груза, который я готовился взвалить на свои плечи.

А ещё я пытался понять отчего у меня так тревожно в груди. Конечно то, что моя маленькая Мирра стала женщиной, причём, женщиной настолько мерзкого создания было настоящим шоком для меня. Для меня она по-прежнему оставалась маленькой девочкой. Ангелом – хранителем моего дома. Я не видел в ней женщину. Прежде всего для меня это был доверчивый ребёнок. Ребёнок, которого так легко обмануть и предать.

* * *

Вечером пришла Мирра. Она немного успокоилась. Но выглядела всё равно ужасно. Просто была вся зелёная. Не успев появиться, тут же сбежала в туалет.

– Тебя тошнит?

– Всё время. Боюсь есть. Всё, что съем, просится наружу.

– Надо подумать о том, чем тебя кормить. Видимо есть какие-то диеты. А может быть, мы просто, путём проб и оши-

бок, выясним, что же способно задержаться в твоём желудке. Ну, и , наконец, надо понять что же нам делать дальше.

– Не знаю. Просто понятия не имею.

– Ты закончила первый курс?

– Да.

– Может стоит взять академический отпуск? На год. Сегодня пятница. На субботу и воскресенье я хочу поехать в Шемаху. У меня там дом и мастерская. Если захочешь, можем съездить вместе. А в понедельник я мог бы сходить с тобой в университет.

Сказать-то я сказал, но не подумал, что моя дурацкая борода и вечно помятые джинсы, будут выглядеть в среде университетской профессуры не совсем презентабельно. С этим что-то надо было придумать. Тут я вспомнил про старого друга моего отца, работающего в университете. Нашёл его координаты. Созвонился. Он замучил меня своими вопросами о том, как поживает мой отец, что нового у меня и т.д. Я всё вытерпел. Пытался отвечать. Нашёл паузу в его сладких изъявлениях того, как же он уважает нашу семью и моего отца, и объяснил цель своего звонка. Он пообещал в понедельник с утра забрать Миру прямо из дома и помочь ей в решении всех её вопросах. Мне стало чуть легче. Оставалось только заставить Миру что-то съесть и увезти её на эти выходные в горы.

Ночью мне снилась бабушка. Она гладила меня по голове и приговаривала:

– Какой же ты дурачок у меня. Но такой хороший дурачок. Не бойся ничего. Всё у тебя получится.

– Перестань гладить меня по голове. Я уже не маленький мальчик. Я взрослый мужчина. Не надо меня жалеть.

– Кто знает.

Этот сон меня успокоил. Наполнил какой-то уверенностью в том, что всё делаю правильно. Утром же, почему-то, я чувствовал себя предельно собранным. Как человек, который принял какое-то очень важное решение и уже пойдёт до конца в своём желании осуществить его. Но вся проблема заключалась в том, что я плохо себе представлял то, что же я решил.

В то дальнейшее, шемахинское село мы ехали очень весело. У меня в машине был абсолютно дурацкий музыкальный микс, включающий в себя народные песни, немецкую группу «Рамштайн», российский «Сплин», раннего Магомаева... Мирра во всё горло подпевала любимым мелодиям. Дурачилась всю дорогу. На въезде в Шемаху нам удалось очень вкусно поесть. Да ещё взять с собой еду на ужин.

– Ты же понимаешь, что нам будет очень сложно, если мы останемся в городе. Будем жить в деревне. Я буду работать, как-нибудь прокормимся. Родишь ребёнка. Будем его воспитывать. Поженимся, чтобы у мальчика была настоящая семья.

– Как поженимся?

– А у нас разве есть выход?

В Шемахе у меня была замечательная летняя мастерская. А ещё сад. И фантастический вид на окрестные горы. Домик мой располагался на отшибе. Когда-то он принадлежал моему деду. И этим предопределялось то, что все жители этой деревни считали меня родным и близким человеком. Словом, мне здесь всегда были рады. Да и мне самому было предельно комфортно в этом месте.

Когда я вошёл со своей предполагаемой будущей женой в мастерскую, то подумал, что она испугается такого нагромождения холстов, накопившегося слоя пыли, песка и всего того, что является нормой для холостяцкого жилья. Тем более жилья художника. Но, к моему удивлению, она лишь спросила, где можно набрать воды и взять швабру.

– Подожди, успеешь. Сначала надо поехать за продуктами.

А дальше началась сказка. Ведь обычно, приезжая в мастерскую, я просто работал. Ничего не замечал, даже если рисовал на природе. В этот раз, эти два дня были наполнены прекрасными пейзажами окружающих мест, горным воздухом, вкусной едой и ещё множеством мелочей, просто доставляющих удовольствие. Ну ещё и нашим общением. Мирра много рассказывала о своём детстве. Когда она сообщила мне, что её отец, хоть и родился в Баку, но родом из Шемахи, я, в шутку и всерьёз, начал называть её «шемаханской царицей». На мои шуточki, начинающиеся со слов:

– да, шемаханская царица,

– как изволите, шемаханская царица,

– всё исключительно для вас, шемаханская царица,

Она отвечала звонким смехом. Отшучивалась.

– Я не могу быть шемаханской царицей. Она была красива, умна, коварна. А я же просто дурочка.

Как же я был доволен тем, что Мирра, наконец, стала выходить из своей жуткой депрессии. Прежде всего меня, конечно же, радовало то, что она, наконец-то, стала нормально есть. Токсикоз прошёл. Мы много ходили пешком. И каждая мелочь вокруг нас вызывала у неё неподдельный интерес. Не сговариваясь, мы не затрагивали какие-то темы, связанные с беременностью и её горе-любовником. Да, и вообще, мы не говорили о том, о чём в, действительно, не переставали думать. Мы просто дурачились, гуляли по горам, восторгались тем, как же здесь красиво. Радовались, увидев зайца, удирающего от нас. Ели пожаренную на углях кукурузные початки. Или пробовали свежий сыр с горячим хлебом на пороге дома нашей соседки. Словом, два дня пролетели как один миг. Надо было возвращаться в город.

* * *

В понедельник решил вопрос с её академическим отпуском. Спасибо другу отца. Он нам очень помог. Я позвонил и поблагодарил его. Скрупулёзно подсчитал сколько же у нас денег. Оказалось, что не очень густо, но на ближайший месяц хватит. Можно было уезжать в Шемаху на летние этюды и выстраивать дальнейшие планы. Но всё сложилось так,

что сама жизнь внесла свои коррективы в то, что я намеревался делать.

Вечером мне позвонили и предложили работу. По моим меркам, за всё это платили просто фантастические деньги. Я конечно же, согласился. Рассказал обо всём Мирре. Попросил её посидеть эту недельку дома. Во мне почему-то сидел жуткий страх, что стоит ей где то показаться, даже просто у нас во дворе, как произойдёт что-то ужасное и непоправимое. Мирра твёрдо обещала мне, что она будет хорошей девочкой, всё вовремя будет делать, пить свои витамины, смотреть фильмы, читать книжки из моей библиотеки и постарается не скучать. И ещё я, как параноик, вручил ей новый телефон:

– Постарайся не говорить по старому номеру.

– Хорошо.

Моя новая работа заключалась в оформлении только что построенного ресторана. Мне достался зал «Низами». Собрав немыслимое количество средневековых миниатюр, я целиком погрузился в работу. Работал, практически, без перерывов. Ночевал в привезённом из дома спальном мешке. Умом я, конечно, понимал, что это всего лишь подработка, но сердцем никогда не воспринимал то, что я делаю, как халтуру. Грубо говоря, я должен был отработать здесь просто как обычный маляр. В сущности, ведь всего-навсего нужно покрыть стены этого ресторана огромным количеством краски. Но, в результате всего этого, на стенах должны были

ожить все герои знаменитых поэм Низами. В моём случае, труднее всего было понять, где должна проходить граница между работой маляра и творчеством художника. И, раз я дал согласие, то работу надо было сделать достойно. Весь вопрос заключался в том, как же сделать её так, чтобы за неё мне не было стыдно.

Мне было шесть лет, когда бабушка повела меня в гончарную мастерскую, неподалёку от рынка. Мне она показалась жилищем волшебника. Когда мы вошли, мастер, как раз, доставал из печи только что обожжённые горшки. Он тут же их сортировал. Оставлял только те, которые, с его точки зрения, были безупречны. И по цвету, и по форме. Все остальные он сложил в какую-то тележку, поднял тяжёлую деревянную лопату и начал их разбивать. Тут я не удержался:

– Зачем вы это делаете? Лучше отдайте их нам.

– Я мастер. Хороший мастер. И я не могу позволить, чтобы из моей мастерской выходили на свет такие вот уродцы. Я просто обязан их разбить.

Хотя я и был просто маленьким мальчиком, но я понял, что мастер преподал мне прекрасный урок того, что такое настоящий труд. Плоды человеческого труда всегда должны быть достойны того, кто даёт им путёвку в жизнь. Иначе жизнь до краёв может наполниться таким уродством, что станет просто невыносимой. Урок мудрого мастера я запомнил на всё жизнь. Крепко запомнил.

Вот и в этом ресторане я трудился на совесть. Практиче-

ски, десять дней не выходил отсюда. Лишь один раз в день заезжал к Мирре, чтобы завезти продукты, удостовериться, что с ней всё в порядке и покопаться в своей библиотеке, выискивая информацию о творчестве Низами.

Хозяин ресторана застал меня за работой поздно вечером. Я практически уже всё закончил. Он был просто ошарашен тем, что увидел. Восторг его был безграничен. Пока другие художники только-только расчерчивали пространство и определяли контуры будущей работы, я уже всё успел сделать. Он на радостях вручил мне тройной гонорар. И ещё взял с меня обещание, что когда я вернусь из Шемахи, то обязательно помогу ему с его новым проектом.

Мне он очень понравился. В этом человеке чувствовалась широта души. И дело было совсем не в том, что у меня на руках оказалась такая сумма денег, о которой я и не мог мечтать. Ведь, как всегда, и бог, и дьявол скрыты в деталях. Именно детали подсказывали мне, что этот человек не так прост, как кажется. К тому же у него была такая позитивная аура, которая позволяла выстраивать с ним конструктивные отношения. Словом, этот Эльман оказался прекрасным работодателем. Намного лучше, чем я предполагал.

Домой я летел на крыльях. Полученных денег с лихвой хватало на несколько месяцев жизни в Шемахе. Да ещё оставалось на холсты и краски. Придя домой, я долго рыскал в старых шкатулках бабушки, которые когда-то свалил в кучу после её смерти. Наконец-то, нашёл то, что искал. Это было

скромное кольцо, исполненное на серебре. Мой дед, когда-то много лет тому назад, подарил его бабушке. Здесь был хороший добротный камень. Конечно, это был не бриллиант, а всего лишь алмаз.

На этом кольце лежала память о тех временах, когда каждый ювелир пытался отразить в своих изделиях частичку самого себя. Все-таки это была та филигранная работа, секреты которой передавались из поколения в поколение. Ну, ещё это была память о бабушке. Ниточка, тянущая из моего детства. Ведь родительская любовь – это не всегда благословение. Иногда она становится тяжким грузом и давит на нас. Именно благодаря моей бабушке, я не чувствовал себя ребёнком, задавленным грузом родительских требований. Своей любовью она защитила меня. Не позволила отцу с матерью превратить меня в объект реализации своих когда-то нереализованных амбиций.

* * *

Уже одно это прикосновение к бабушкиным украшениям пробудило во мне массу воспоминаний. Самым ярким из них являлся, конечно же, разговор на поминках моего деда, случайным свидетелем которого, я оказался. Практически, все кто пришёл к бабушке выразить своё соболезнование уже разошлись. Оставалось всего несколько человек. Среди них выделялся высокий седой мужчина, который попросил бабушку выслушать его. Почему-то я думал, что разговаривать они будут в прихожей. А они прошли в гостиную. Откуда

было мне, пятнадцатилетнему подростку, было знать, что я услышу нечто такое, что просто поразит меня. Я вошёл в эту комнату ещё до них и устроился в том самом глубоком бабушкином кресле, в котором потом так любила устраиваться Мирра. Из-за похорон я не спал всю ночь и мечтал вздремнуть.

Они не заметили моего присутствия. По мере того, как услышанное поражало моё воображение, я старался всё глубже врасти в кресло и остаться незамеченным. До конца жизни бабушки я так и не признался ей, что был свидетелем этого разговора. Он меня сразил наповал. Я, молодой дурачок, был уверен, что любовь – это всегда удел молодых. Как же я ошибался. Этот седой мужик начал разговор с бабушкой почему-то с очень жёстких обвинений:

– Что же ты его не уберегла? Как же ваши обеты? Как же ваши прекрасные планы? Если уж вам было предназначено жить долго и счастливо, то почему вы не умерли в один день? Почему же ты отпустила его одного?

Бабушка вначале просто молчала. Потом она мягко, почти что ласково, сказала:

– У тебя всё? Спасибо, что пришёл. Спасибо за соболезнование. Я и не надеялась, что ты, настолько занятой человек, найдёшь время для нас, простых смертных, и согласишься здесь появиться. Я очень благодарна тебе. И как бы ты ни старался ужалить меня, я знаю, что ты мне искренне сочувствуешь.

А потом я услышал звук поцелуя. И слова бабушки.

– Ну, зачем же целовать каждый пальчик в отдельности.

Можно было просто поцеловать руку.

– Господи, боже мой. Наконец-то спустя сорок лет, я вновь целую тебя. Пусть даже в руку. Не было такого дня за все эти годы, когда бы я не мечтал об этом. Какой же я счастливец, что мне удалось дожить до того дня, когда я смог, наконец-то, это сделать.

– Не заводи сам себя. Не выдумывай того, чего не было.

– А что было?

– Да, ничего не было. Были два мальчика. Два друга. И девочка-соседка из их класса. Юношеская влюблённость. И мой выбор. Я до сих пор о нём не жалею.

– Неужели? Я был умнее. Я был во всём лучше и удачливее, чем он. Почему именно он? Неужели ты действительно любила его больше, чем меня? И не смей ничего отрицать. Не смей отрицать, что ты меня любила. Любила меня, а замуж вышла за него. Чисто женская логика. И в мыслях, и в поступках. Как же я проклинал тебя все эти годы. Мне показалось, что я дышать не смогу после этого. Не то что жить. Но как видишь, не сдох. Выжил. Хотя напивался каждый раз, когда видел вас вдвоём. Какая же всё-таки ты стерва! Ну, зачем ты так поступила?

– Да, ты с самого детства был завоевателем. Ты даже в класс врвался, как армия колонизаторов в слаборазвитую страну. Победить. Завоевать. Подчинить. Наверное, это бы-

ли твои любимые глаголы. Ты и ко мне относился, как к добыче. Скажи я «да», ты поломал бы меня тут же. Как новую игрушку. Просто захотел бы узнать, что же у этой игрушки внутри. Все твои желания должны были бы стать законом для меня. Законом высшей инстанции. Решениями, которые не подлежат ни обжалованию, ни апелляции. А для него высшим законом всей его жизни были мои желания. Он только не молился на меня. Хотя и обожествлял.

– Ну, милая моя. По твоим словам, получается, что я ангел тьмы, а он ангел света. Сама же знаешь, что утрируешь.

– Ничего я не утрирую. Я была бы неправильной девочкой для тебя. Девочкой, которая испортила бы тебе всю твою жизнь. Отвлекала бы тебя от твоих великих целей. Ведь ты почти их всех достиг. А со мною навряд ли бы смог. Если я и любила тебя, то не настолько фанатично, чтобы отказаться от себя самой.

– А может ты разрешишь мне, хотя бы теперь, хоть немножко, пожить теперь рядом с тобой? Пока смерть не разлучит нас. Оттаять.

– Какой же ты идиот. Если у меня в двадцать лет хватило ума держаться от тебя подальше, то ты думаешь, что я сейчас стала глупее. Ты только с виду такой белый и пушистый. Нам с тобой противопоказано находиться вместе в замкнутом пространстве. Прощай.

– Да, как была ты недостижимой для меня, так и осталась такой. Ничего не изменилось. А я, как и был дураком, пре-

вращающимся в твоём присутствии в бесформенный кисель, так таким и остался. Будь здорова. Надеюсь, что в следующий раз мы увидимся ещё не скоро. Либо на твоих, либо на моих похоронах.

Меня удивил его голос. Так может говорить лишь сильный духом человек. Человек, который знает цену каждому произнесённому им слову. Да, он знал, что говорил. В следующий раз я увидел его на бабушкиных похоронах. Он подошёл ко мне, вручил свою визитку и сказал:

– Если тебе когда-нибудь что-то понадобится, звони. Чем смогу – помогу. Всё-таки честность – это одна из великих человеческих добродетелей. Не каждый может быть честным с самим собой и с теми, кто его окружает. Твоя бабушка могла. Она была очень сильной женщиной. Сейчас таких не делают.

Он, видимо, хотел что-то ещё сказать, но ко мне подошли всё новые люди и он, немного постояв, ушёл. Да, я всегда осознавал, что моя бабушка была неординарным человеком. Но эти две встречи с мужчиной, который когда-то столь неровно дышал на неё, поневоле заставили меня задать себе такой вопрос:

– А была ли счастлива моя бабушка? Не наступила ли она, в силу каких то условностей и лживых иллюзий, на горло собственной песне? И что означала эта её постоянная приписка: «А счастье было так возможно?» Похоже на извечный вопрос о том, что же такое счастье она, так и не смогла найти достойного ответа. А надо ли? Может и не надо фи-

лософствовать, а просто уметь быть счастливыми. Здесь и сейчас.

* * *

Рано утром я сделал Мирре предложение и надел это кольцо ей на палец.

– Я прошу тебя стать моей женой. Не бойся. Всего лишь фиктивной женой. Мне абсолютно всё равно, что говорят и будут говорить окружающие. Но я знаю одно. Я не могу подвергнуть тебя их глупым осуждениям. Ты этого просто не выдержишь. А ещё я боюсь. Боюсь навязывать тебе своё общество. Свою заботу. Свою любовь. Ведь чужая любовь может не просто сломать тебя. Она может обречь тебя на ничёмную, бесцветную, блеклую жизнь рядом с человеком, которого ты не любишь. И возможно, никогда и не полюбишь. И не стоит оправдывать всё это тем, что так, практически, живут все. Ты же не такая, как все. Хотя бы потому, что я не знаю в мире человека, чья душа была бы так чиста, как твоя. Да, ещё. Не казни себя за то, что спала с ним. Иногда наше тело предаёт нас. Надо уметь прощать его.

Миррра выслушала меня молча. Это уже было хорошо. Кольцо было у неё на пальце. И это тоже было хорошо. Осталось выстроить нашу дальнейшую жизнь. А вот это было очень и очень непросто. Ведь когда закрывается одна глава нашей жизни открывается другая. Не только от меня, но и от неё зависело то, какой же будет эта новая глава.

Свидетельство о браке нам выдали уже в Шемахе. Так началась моя «семейная жизнь». Первые дни она выглядела как испуганный зверёк. Но к исходу второй недели, когда убедилась в том, что я не предъявляю ей никаких требований и не покушаюсь на её свободу, она оттаяла. Оказалось, что она учится на искусствоведа. Почему-то это известие вызвало у меня приступ гомерического хохота.

– Художник и искусствовед. Да, наш брак заключён на небесах.

Она не разделяла моего сумасшедшего веселья по этому поводу. Просто злилась. И ещё выставляла вперёд свои колючки, как маленький ёжик. А ведь моя радость в немалой степени была связана с тем, что я наконец-то понял, чем можно занять эту девочку на период её неожиданной и негаданной беременности. Я боялся её депрессии. Слёз, капризов, хандры. Её мозги надо было чем-то занять. Так почему бы не образованием?

Ведь мы были, практически, полностью изолированы от окружающего мира. Предоставлены сами себе. Жители села занимались своими хозяйствами, время от времени подбрасывая нам какую-то еду и фрукты. Они, почему то, все дружно жалели нас и предлагали свою посильную помощь.

– Вот видишь, шемаханская царица. Наконец-то твои подданные осознали, кто ты есть и горят желанием услужить тебе.

Если бы от огня в глазах Мирры предметы могли бы вос-

пламеняться, то весь наш дом, включая меня, горел бы синим пламенем.

– Я же просила не называть меня так.

– Шемаханская царица совсем не такая, как ты думаешь. Сначала всё извратил Пушкин. А потом эти креативщики из «Мельницы» сняли свой фильм и превратили её в какого-то монстра. И никто уже не поверит в то, что на самом деле, она была очень и очень хорошая. Хоть не совсем непонятная для обычных людей и очень загадочная. Ну, почти как ты.

Сейчас меня радовало лишь то, что из её обращения ко мне исчезло слово «дядя». Теперь я стал просто Тимуром. Это уже был прогресс.

Я перевёз из своей городской квартиры, практически, все книги по искусству. Она читала их запоем. Иногда мы что-то обсуждали, иногда она сама просила что-то объяснить. Время от времени, она позволяла себе рассматривать мои полотна. И я чётко понимал, что они её пугают.

– Да, милая моя. Я не такой сладкий художник, как Лиотар. От таких работ не тают от восторга все те, кто их видит. Я мало кому нравлюсь. Но, понимаешь с тех пор, как появилась фотография, у художников исчезла необходимость создавать по заказам лакированную действительность. Время Лиотаров давно прошло. Но тебе ещё рано вникать во всё это. Нужно ещё несколько лет прежде, чем ты начнёшь разбираться в том, что такое искусство, что такое псевдоискусство, какова правда искусства. А может задумаешься

над тем, что стоит ли художнику, ради куска хлеба, подстраиваться под вкусы толпы.

* * *

Я старался организовать нашу жизнь на селе так, чтобы Мирре было предельно комфортно. Я был жаворонком, она – совой. Поэтому, позавтракав с утра пораньше, я к десяти часам накрывал стол для неё. Молоко, мёд, сливки, ягоды и конечно же моя фирменная яичница ждали её пробуждения. Если она не появлялась вовремя на кухне, я начинал петь. Я переиначивал слова и каждая песенка выглядела уже как приглашение к завтраку. Она просыпалась, умывалась и садилась за стол. Для меня это уже был второй завтрак. Потом я начинал рычать как собака и говорил:

– Ваш верный пёс просится на прогулку. Не окажете ли Вы ему такую честь?

Мы гуляли. Долго. Независимо от погоды. Хорошая или плохая, дождливая или ветреная – нам это было неважно. Мы должны были прошагать свои пять километров. Мы много чего обсуждали на наших прогулках. Это были разговоры ни о чём и обо всём. Обед уже ждал нас, когда мы, усталые и покрасневшиеся, возвращались домой. Наша соседка каждый раз радовала нас своими кулинарными шедеврами. Она мыла посуду и уходила. Ужин всегда я готовил сам. Мне было очень важно, чтобы Мирра правильно питалась. Живот её стал просто огромным и уже мешал ей. Мы вместе делали

гимнастику для беременных и учились дышать.

Внешне всё выглядело так, что Мирре было сытно, тепло и комфортно. Что творилось у неё в душе, конечно же, никто, кроме неё, не знал. Она вся была закрыта на тысячи замков, а ключи давно были утеряны. Я старался её развеселить. Притаскивал какие-то диковинные ягоды и цветы, сооружал из них фантастические композиции. Лепил каких-то сказочных персонажей. Не только ближние, но и дальние соседи приносили там какие-то подарки. Ведь каждый из жителей этого села хотел внести свою лепту в то, чтобы будущая роженица была полна сил и энергии. Раз в месяц к нам приезжала врач, которая вела беременность. Мирра на все эти мои хлопоты взирала с какой-то отстранённой улыбкой и говорила:

– Ну, откуда ты столько знаешь? Ты же не врач, а художник. Да и перестань так трястись надо мной. Я не больна. Я просто беременна.

Наш малыш родился в новогоднюю ночь. Шёл снег. Дул сильный ветер. И конечно же, никакая «Скорая помощь» добраться до нашей деревушки так и не смогла. Она приехала только под утро. Малыш уже был вымыт, накормлен, спеленат и лежал в той самой колыбельке, в которой когда-то лежал я сам. У меня было такое ощущение, что соседская бабка, всё время хваставшая тем, что это именно она обрела мне когда-то пуповину при рождении, страшно гордилась тем, что она вновь оказалась столь востребованной. Го-

ворят, что мама с папой тогда приехали сюда на три дня. Просто отдохнуть, походить по горам, надышаться воздухом этих мест. Но мне, видимо, здесь очень понравилось и я решил вылезти наружу на пару месяцев пораньше. Так вот и получилось, что и я, и наш малыш появились на свет в одном и том же селении. И это было просто замечательно.

Сотовая связь в деревне, практически, не ловила. Но у нас был классический стационарный телефон и мы поддерживали связь и с её, и с моими родителями. Так как у меня была репутация чудака, то никто не расспрашивал о том, почему у нас не было традиционной свадьбы. Мама с папой были настолько безумно рады, что, наконец то, я не один, что не задали ни одного вопроса. Лишь радовались тому, что у них появился внук. Потом мы выяснили, что в селе есть несколько точек, где связь всё же ловит. Пару раз мы смогли даже дозвониться. Словом, мой план с женьбой сработал без сучка и задоринки. И я был безмерно рад этому.

* * *

Беспокоило лишь одно. Уже приближался сентябрь. Мирре надо было идти на занятия в университет. Видимо нам всем нужно было перебираться в город. Тогда я задал вопрос, который уже давно мучил меня.

– Ты хочешь вернуться к нему? Хочешь снова с ним встречаться?

Я ожидал увидеть какую угодно реакцию. Но не эту. У

неё началась самая настоящая истерика. Ни понять, ни унять этот кошмар я не мог. Пробовал напоить её водой, дать ей сердечные капли... Всё было бесполезно.

И тогда я перестал её успокаивать. Ушёл в мастерскую. Оставил её одну. Истерика как-то сама собой сошла на нет. Но ещё три дня Мирра не могла найти себе места. На четвёртый день, вечером она пришла ко мне, когда я пытался поймать на полотне последние лучи уходящего солнца. Сначала рассеяно наблюдала за тем, что творится у меня на холсте, а потом тихо попросила:

– А можно нам поговорить? Прошёл почти год, а ты всё ещё ничего не знаешь.

Она говорила долго. Много плакала. Временами просто замолкала. Не могла найти в себе силы, чтобы говорить дальше. Суть её рассказа сводилась к тому, что, вообще то, она этого парня знала по двору. И он ей очень нравился. Давно нравился. Если даже это не была любовь, то влюблённость точно имела место быть. Его семья когда-то жила в соседнем подъезде. Потом они переехали. Но квартира эта осталась за ними. Он время от времени оттягивался там с ребятами. Со всеми такими сопутствующими атрибутами, как пиво, водка, виски. Ну, ещё и с девочками же, конечно. Она не раз видела этих красавиц, что туда заходили. Ослепительно яркие, броско одетые, вызывающе накрашенные. На их фоне она себя чувствовала бледной молью. Она его не раз видела на каникулах, пока он учился в Англии. Как правило, он был

не один. И каждый раз, когда он с ней здоровался, его спутницы бросали на неё презрительные взгляды. Ей казалось, что они вообще отказывают ей в праве быть существом женского пола.

В тот злополучный вечер она пошла на день рождения подруги. Они вместе учились. Отмечали его в модном ресторане. При гостинице. Народу было немало. В основном, молодёжь. И конечно же, она очень обрадовалась, увидев там его одного. Без спутницы. Она чётко помнила, что там был очень хороший диск-жокей. Они много танцевали. Он, практически, не отходил от неё. И ещё она помнила, что ничего не пила кроме сока. Хорошо помнила, как вышла из зала ресторана в фойе. А дальше был полный провал в памяти.

В себя она пришла рано утром в номере гостиницы. Он был рядом. Улыбающийся и довольный. Говорил, что ей надо отвести место в книге рекордов Гиннесса. Ведь девушек, сохранивших девственность до 18 лет, в их окружении, практически, не было. Говорил, что она красавица и умница. И не уставал повторять, что как же это замечательно, что она потеряла свою невинность с ним, а не с кем-то из своих слюнтяев-ровесников. Не забывал упоминать и о том, что она подарила ему незабываемые минуты.

Они встречались целых три месяца. По очень интересной схеме. Он обычно сбрасывал эсэмэской время и место встречи. Забирал её и вёз в какой-то отель. Отели, как правило, располагались где-то на окраине. Час, полтора, иногда даже

два. И всё. Потом он возвращал её в какое-то людное место, высаживал и исчезал. Практически, за всё это время не проносилось каких-либо слов. Был просто секс. Много секса. И больше ничего.

Разговаривать они начали потом. Вернее, говорил, в основном, он. Много рассуждал на тему о том, что она просто шлюха. Шлюха, ещё не до конца осознающая то, насколько же она порочна. Правда при этом, он, как то, случайно проговорился, что в её бокал с яблочным соком он, в их первый вечер, подбросил какие-то чудо-таблетки. Но тут же оправдывал себя тем, что ей всё это, в конечном счёте, понравилось.

– Ну, пусть первый раз на тебя подействовали таблетки. Ну, а дальше что?

Она не знала, что и как можно сказать в ответ на эти обвинения.

– Милая моя, у тебя темперамент шлюхи. Хорошие девочки не могут быть так хороши в постели. Ты шлюха по призванию.

Он даже успокаивал её весьма своеобразным образом, утверждая что, став его любовницей, она получила уникальную возможность вращаться в достаточно высоких кругах и заполучить, в конечном счёте, для себе хорошего, обеспеченного любовника. О том, хочет ли она этого и, что она хочет вообще, он никогда не спрашивал.

Он был предельно мил, обаятелен, улыбчив. Дарил ей ка-

кие- то мелкие безделушки. Восхищался ею. Но никогда и нигде не появлялся с ней на публике. Она уже знала, что у него есть жена, дети и даже официальная любовница. Информация ей выдавалась по крупицам, но она цепко запоминала каждую мелочь. И ещё у него появилась новая привычка. Он стал грозиться, что, когда она ему надоест, то он передаст её кому-нибудь. Не спрашивая при этом даже её согласия.

Он никогда не предохранялся. С самого первого раза он объяснил ей, что он ненавидит резинки и хочет ощущать её всю, целиком. Без каких-то посторонних предметов и преград. Она пила таблетки. А потом, вдруг, в один прекрасный день, именно тогда, когда ей надо было уходить из очередного безликого номера, её вдруг вытошнило. Взглянув на неё, он сказал, всё, что думает о ней, о её умственных способностях и умении вести нормальную взрослую жизнь. Бросил деньги на стол и приказал идти на аборт.

– Как раз я уезжаю в командировку. Меня не будет неделю. Когда вернусь, позвоню. Надеюсь, что ты уже будешь в порядке.

Тут она замолкла.

– Ну, а что было дальше ты уже всё знаешь.

* * *

Вместо того, чтобы отвечать на её исповедь, я начал писать её портрет. Новый портрет. Уже маслом. Всего я насчи-

тал у себя уже 112 её портретов. Разных и всяких. Карандашом, углем, фломастером, акрилом, пастелью. Маленьких, больших. На бумаге, картоне, холсте. На всех этих портретах она была смешной, озорной, хмурящейся или улыбающейся. Но выглядела всегда счастливой. А сейчас она была просто надломленной и несчастной. Он не хотел рисовать её такой. Но было в её лице что-то такое загадочное, делающее её похожей на всех матерей в мире. И это абсолютно не зависело от того, кого и как они родили. Гениев, пророков, уродов или преступников. В браке или вне брака. В хижинах или дворцах.

Все они были матерями. И на их лицах лежала именно та уникальная печать материнства, которая была, есть и всегда будет отражением одной из самых великих тайн бытия. Точно такая же, какая явно виделась мне сейчас на прекрасном лице Мирры. Я нарисовал в тот вечер, пожалуй, лучший из её портретов. Конечно же, я его потом дорабатывал. Возвращался к нему вновь и вновь. Признался самому себе в том, что пожалуй эта работа коренным образом отличается от всего того, что я рисовал до сих пор.

Для всех жителей села мы были обычной городской парой. Они хорошо знали, что здесь жить в разы дешевле чем в городе. И если человек имеет хоть какие-то деньги, то лучше же, конечно, жить здесь, на природе, чем ютиться в каменных джунглях города. Тем более с маленьким ребёнком. Конечно же, они плохо понимали, чем занимаюсь я. Ну особо

и не заморачивались этим.

Для них мы были просто городские чудики. А к чудикам в Шемахе привыкли. Их было много в их истории. Среди них попадались даже такие гении, как Насими. Гениев сегодня не наблюдалось, а чудиков хватало. Ярким образцом того, что есть на белом свете люди, которые отличаются от нормальных, были для них работники обсерватории. Сельчане посмеивались над тем, что человек может смотреть на небо и получать за это зарплату. Но тем не менее, несмотря на нашу чудаковатость они все как то по доброму опекали нас. Именно благодаря их усилиям мы были сыты, а наш дом надёжно защищён от дождя, снега и холода.

В студенческие годы мне очень нравился дурацкий вопрос о том, является ли Дубай городом. Над вопросом сначала все смеялись. Но когда я начинал разъяснять, что у города, помимо дневной жизни, обязательно должна быть вечерняя и ночная, то они задумывались. Вот и получалось, что этот гигантский чудо-проект по имени Дубай, невозможно назвать городом. Даже, если ты открываешь там такие химерические структуры, как Дубай-Лувр или Дубай-Гуггенхайм, то это ничего не меняет. Ну, нет там культурной вечерней жизни и насыщенной ночной. Нет и всё.

Так вот в случае моей семейной жизни всё было почти так же, как в Дубае. С одной маленькой разницей. Наряду с дневной, у нас была и вечерняя жизнь. Мы работали, гуляли сами и выгуливали малыша, убирались и готовили. Вечером

ужинали, смотрели какие-то фильмы, вместе купали малыша и укладывали его спать. Потом мы что-то делали, разговаривали, читали и тоже шли спать. И всё. Нормальная ночная жизнь, как это бывает в обычных семьях, у нас попросту отсутствовала.

У Мирры был очень крепкий сон. Если она, хотя бы один раз, вставала ночью, то заснуть ей не удавалось до утра. Я выяснил это ещё в первые дни нашей жизни здесь. Поэтому с самого рождения малыша, я разместил его кровать у себя в комнате. И стал, фактически, его ночным няней. По правде, надо признаться, что из всех малышей на белом свете он был самым-самым не капризным. Вовремя ел свою смесь. Ведь с самого начала молока у Мирры было очень мало, а потом оно просто пропало. Наш сын вовремя засыпал и вовремя просыпался. Он ёрзал или гукал, когда нужно было поменять его памперсы. А всё остальное время просто изучал причудливые рисунки и пятна нашего потолка. Он мало плакал и почти никогда не орал. Ну просто сказка, а не ребёнок.

Из-за него я был вынужден сбрить свою бороду. Его маленькие ручки всё время цеплялись за неё. Нет, нет я не боялся боли от того, что он меня дёргает за бороду. Боялся же я всего лишь того, что моя борода может стать источником каких-то инфекций и проблем для малыша. Ведь борода художника всегда полна каких-то непонятных вещей типа засохшей краски, огрызков кисти или остатков ужина. Я гордился тем, что малыш обожает смотреть на моё лицо.

Был уверен только в одном. Никто и никогда так долго меня не разглядывал. Это имело весьма неприятные последствия, связанные с тем, что Мирра постоянно ревновала меня к малышу. Я устал от её постоянных воплей, сводящихся к тому, что:

– Вот видишь, он опять тянется к тебе. Вот видишь, как он на тебя смотрит. На меня он никогда так не смотрит. Я не знаю, как ты это делаешь, но очевидно одно – он любит тебя больше, чем меня. По моему и ты, и он делаете всё назло мне. Вот видишь, он опять посмотрел на тебя.

Вот так и протекала наша жизнь. Я много работал. И мне очень нравилось то, что у меня сейчас получалось. Мирра возилась с малышом. По дому ей помогала наша соседка, готовившая фантастические шемахинские кутабы и прочие блюда уникальной кухни этого региона. А ещё Мирра много читала. Я день ото дня поражался тому интеллекту, который был заложен в этой хорошенькой головке. Стараясь не быть назойливым, я незаметно направлял её интересы в нужное русло. Могу сказать лишь одно – то, что она успела усвоить за год, редко удаётся осилить искусствоведам за всё время их обучения в вузе.

* * *

То незабываемое утро началось как обычно. А потом вдруг на пороге нашего дома появился владелец единственного продуктового ларька в этой деревне. Сразу же после

приветствия, он как заводной, начал повторять:

– А кого я вам привёз! А вот вы и не догадаетесь! И зачем только надо было от него прятаться?! От таких, как он или я, всё равно не спрячешься.

А потом появился Эльман. Ну, тот самый владелец ресторана в Баку, которому я расписывал зал «Низами». Он посмотрел на меня так, как будто бы я собственноручно придушил всех его близких и родных, а теперь безмолвно молю о прощении.

– А тебе не стыдно? Обещал вернуться, поработать со мной. Оставил номер телефона, на который никто не отвечает, а сам смылся сюда. Ты на что надеялся? Что я тебя не найду?

Говорил он весьма грозно, но при этом улыбался и заполнял нашу скромную кухню продуктами, которых никогда на ней не бывало. Демонстрируя чудеса галантности, поцеловал Мирре руку, повосхищался нашим малышом и уселся на наш единственный стул. Нам с Миррой и хозяином ларька досталось по табуретке.

– Не бойтесь, я ненадолго. Перейду сразу к делу. Хочу взять вас с собой в Стамбул. Я строю там отель и хочу, чтобы ты мне помог. С разными всякими дверями и унитазами я и сам разберусь. А вот по дизайну хочу работать с тобой. Хочу, чтобы всё было так, как это видится тебе. Ты меня поразил тогда в том ресторане. Я в жизни не видел большего чуда, чем то, которое ты сотворил буквально за одну неделю. Да,

говорят ты и здесь работаешь. Может я и куплю что-нибудь у тебя готовое.

– А это навряд ли.

– Посмотрим, посмотрим.

Тем временем, владелец ларька рассказывал нам, что ещё три дня тому назад, в Шемахе, Эльман обещал бесплатную поставку товаров в течение целой недели тому, кто поможет ему найти художника, который окопался в каком-то шемахинском селе. Ход был почти беспроигрышный. Конечно же, владелец ларька в нашей деревне всё и сразу о нас рассказал. И даже вызвался довезти Эльмана до нашего дома.

А потом мы пошли в мастерскую. Надо честно признать-ся, что он осмотрел каждое моё законченное полотно. Кроме, конечно, портретов Мирры. Их я с самого начала отделил, сказав, что это очень личное, показывать не могу. Потом он прислонился к стене и хриплым голосом спросил меня:

– Послушай, а зачем ты это делаешь? Я же видел своими глазами какую красоту ты можешь создавать. Так зачем же ты рисуешь все эти жуткие вещи? Ты же не идиот. Это же никогда и никто не купит.

– Да, это и не на продажу.

– А зачем ты занимаешься этим, если это невозможно продать?

Вопрос был, конечно же, поставлен ребром. Его во все времена задавали всем художникам. И ни у кого из них не было ответа на этот вопрос. Не было его и у меня. Не знаю,

что в это время было написано у меня на лице, но почему-то вдруг Эльман сказал:

– Извини. Это же конечно не моё дело. Ну, а теперь давай перейдём к основному. Я человек простой, без затей. Мне не нужны все эти контракты. Ты мне точно будешь нужен пока на год. Я дам тебе в Стамбуле жильё. Хорошее жильё. Недалеко от работы. Дам машину. Говорят, что твоя жена учится. Помогу и с её переводом на учёбу в Стамбул. Дам постоянную няню для малыша. Заплачу за год работы вперёд. Если результаты мне понравятся, то в конце года заплачу ровно столько же. Если всё устраивает, то я сделаю вам паспорта и заберу вас прямо отсюда. Через три дня. Рано утром. С вещами и сборами можете не заморачиваться. Думаю, что всё, что вам нужно, можно будет и там найти. Я выдам тебе ещё подъёмные на то, чтобы обустроиться. Если ты согласен, то давай прямо сейчас ударим по рукам.

Я был просто ошарашен. Из себя мне удалось выдать только одно слово:

– Хорошо.

– Вот это мне нравится. А то пошла такая мода, что мол мне надо с женой посоветоваться, с родителями поговорить. А ещё некоторые выпендриваются, что мол дайте мне неделю на раздумья. Вот сразу видно, что ты мой человек.

А потом Эльман добавил:

– Я, конечно же, не очень образованный человек. Но я же воочию видел, что все те, кого я тогда нанял, проецировали

чьи-то готовые рисунки на стену. А потом просто раскрашивали. А ты же писал сам. На что-то смотрел, листал какие-то книжки, но писал то всё из головы. Все, кто приходит в ресторан, хотят попасть именно в этот зал и видеть эту красоту. Мне даже страшно себе представить, что ты можешь сделать за год. И знаешь, не обижайся на меня за то, что я сказал о твоих картинах. Попробуй потом как-нибудь мне объяснить. Я хоть и не очень образованный, но не тупой.

* * *

Уже через минуту ни его, ни владельца этого ларька в доме уже не было. Мирра пока ничего не спрашивала, но у неё был ещё тот вид. Видимо, она догадывалась, что произошло что-то неординарное. Ну, а то, что случилось, разве можно было бы предугадать? Как всегда в таких случаях, когда я не мог чётко понять, что же мне надо сказать, я предложил:

—А давай ка, попьём чаёчек. Попьём и подумаем.

Пока пили чай, я ей постарался вкратце изложить суть предложения Эльмана. Ну, и ещё охарактеризовать наше положение. Наши деньги были на исходе. Их не хватило бы даже на месяц экономной жизни в этой деревне. Надо было или продавать бабушкину квартиру, или же принимать предложение Эльмана. Но это лишь чисто теоретически у нас было два варианта. В практической же плоскости, расставание с бабушкиной квартирой выглядело абсолютно неприемлемым вариантом. Это было единственное, что у меня остава-

лось. Я не мог её даже сдать. Прежде всего потому, что хорошо себе представлял во что способны превратить квартиранты столь дорогое моему сердцу жилище. В отличие от меня, Мирра ничем не заморачивалась. Просто хлопала в ладошки и кричала:

– Ура! Ура! Ура! Мы едем в Стамбул. Только вот паспорта у меня нет.

– Будет. У моего тоже кончился срок. И Эльман заверил меня, что документы он нам сделает.

Вот так мы и попали из нашего далёкого села на берега Босфора. Художник-неудачник и шемаханская царица. И наш сын. Маленький источник огромного счастья. Летели мы вместе с Эльманом. Привёз он нас в весьма диковинное место, где стояли небольшие пяти-шестиэтажные дома, ограждённые надёжным забором. Внутри этого оазиса был супермаркет, два ресторанчика, фитнес клуб, детский сад и даже салон красоты. Словом, о большем и мечтать нельзя. В квартире было практически всё, за исключением каких-то мелочей. Утром прибыла няня и я со спокойным сердцем уехал на стройку.

По существу, этап строительства здесь уже завершился, да практически и ремонта тоже. Конечно же, серьёзные концептуальные проекты предусматривают, что видение объекта такого уровня закладываются уже на этапе проектирования. Но, было уже поздно о чём-то сожалеть. Дело было сделано. Здание существовало. Значит надо было просто понять, че-

го же лично от меня хочет Эльман. А хотел он, оказывается, многого.

– Понимаешь, я не хочу, чтобы это был один из многих других стамбульских отелей. Я хочу, чтобы у него было своё лицо. Вот ты и не спеши. Походи, посмотри, подумай. Потом поговорим.

А я не мог думать. Я и не хотел думать. Я хотел спать. Валяться на диване. Наслаждаться покоем. У меня было такое ощущение, что наконец-таки состоянию вечной борьбы за выживание пришёл конец. Можно расслабиться. Сходить с Миррой в один из этих ресторанчиков на берегу. Где каждому бы из нас Босфор напевал бы одному ему ведомую песенку. Мы и пошли. И не раз. Вдвоём. Доверив малыша няне. Впервые за последний год моя голова была полностью свободна от забот о хлебе насущном. Магия ночного Стамбула, вкусная еда и прекрасная женщина рядом. Что может быть лучше?

А потом, в один из наших походов, нам предложили с Миррой выпить бузы. Я объяснил ей, чем буза отличается от айрана. Она начала с улыбкой проговаривать считалку о великом Деде Коркуде, который всё перепутал на этом свете и дал неправильные названия многим вещам, которые следовало бы назвать совсем иначе. И айран не так назвал. В этот момент я как будто бы прозрел. И понял, как буду оформлять отели Эльмана. Конечно же, всё моё оформление будет связано с мифами, сказаниями, легендами. Мне не нужно

будет рисовать портреты каждого из этих героев. Мне важно отразить дух народного творчества. Дух, который позволяет героям, выдёргивать из земли огромные деревья и прямо вместе с ними поспевать к месту битвы, где их ждут не дождутся их верные друзья. Дух, который всегда давал людям такую уверенность в себе, что они не боялись ни превратностей судьбы, ни таких ужасных чудовищ, как циклоп, ни потерь, ни страданий. А порой не боялись даже и самой смерти. Каждый сюжет, каждая страница, каждый герой нашей литературы вполне заслуживали того, чтобы получить своё новое, современное воплощение. Я был готов дать новую жизнь этому отелю. И вдохнуть в него все свои фантазии.

Я понимал, что мои искания как художника мало кому интересны. Но кто сказал, что занимаясь чем то другим, я предаю самого себя. Ведь большинство людей сегодня не хотят приобщаться к искусству, отправляясь в музеи или картинные галереи. Они, практически, не читают. Особенно молодёжь. Им нужны клипы и комиксы. У них вообще доминирует клиповое мышление. Они легче воспринимают образы, чем идеи. Почему бы им не рассказать о чём-то прекрасном так, чтобы они его восприняли как частичку самих себя?

* * *

В какой то момент я понял, что проснулся не только мой мозг. Проснулись дремавшие во мне какие-то первобытные

инстинкты. Ведь я осознал не только суть того, что я буду делать в этом проекте Эльмана. Я понял, пожалуй, наверное, самую главную вещь в моей жизни. Прежде всего я постиг всю искусственность тех границ и барьеров, которые я возвёл между собой и Миррой.

Господи, боже мой, я почему то всё время сравнивал себя и того альфа-самца, который так ловко поймал её в свои сети. Мне казалось, что я во всём ему проигрываю. Хотя мы были почти одного роста, он был в отличие от меня идеально накаченным мачо. А я выглядел так, как выглядят все интеллигенты. Нет, я не был доходягой. Но никогда не гордился своими мускулами. Сколько бы я не изучал своё генеалогическое древо, там не было никого, кроме профессоров, учителей, религиозных деятелей и т. д. Я не смог докопаться даже ни до одного крестьянина, который просто бы обрабатывал землю, любил бы свою жену и растил бы крепких деток. Я не мог найти ни одного воина. Ну, не было в моём роду ни одного ремесленника, купца или менялы. Это, видимо, были профессии не предназначенные для нас. И ещё у меня в роду никто никогда ничего не делал руками. Ну, разве что я. Но кто говорит, что художники рисуют руками? Рисует душа. А руки – это так, подручный материал. Почти такой же как холст и кисти.

В противостоянии мачо и интеллигента, мачо всегда выигрывает. Он хищник. А значит, добыча всегда достаётся ему. Длинными бессонными ночами в Шемахе я, мыслен-

но проигрывал тысячи сценариев того, как будут, в дальнейшем, складываться наши отношения с Миррой. В них было всё. Кроме моего счастья. Почему- то во всех своих мечтаниях, я отдавал эту чудо -девочку кому то другому. В моих идиотских фантазиях это всегда был именно тот человек, который гораздо больше, чем я, заслуживал получить в спутницы жизни это сокровище. Во всех этих вариантах я оставался один. С разбитым сердцем и с израненной душой. Правда, иногда мне представлялось, что Мирра, уйдя в какую то новую счастливую жизнь, оставляет мне нашего малыша. Но умом я прекрасно понимал, что всё это из ряда мечтаний, которым никогда не суждено стать былью в реальной жизни.

В тот чудесный вечер мы пришли с Миррой домой достаточно рано. Отпустили няню. Решили посидеть на кухне и, как всегда, попить чаю. На пороге она вдруг положила свою голову мне на грудь. И задала самый ужасный вопрос, который когда-либо красивая девушка может задать стоящему рядом с ней мужчине:

– Неужели я тебе совсем не нравлюсь? Ну, хотя бы немножко, хоть чуть-чуть.

Кто бы чтобы не говорил о любовной горячке, сущность её не могут объяснить даже те, кого она сожгла дотла. Как меня. Когда я понял, насколько наивна и неопытна эта девочка, то был поражён. Видимо, она просто напросто была послушной игрушкой в руках этого альфа-самца. Он так и не смог пробудить в ней женщину. Женщина в ней начала просыпаться

только сейчас. Рядом со мной. Ведь такое невозможно было сделать без любви. Без чувств, которые обрекают влюблённых на вечную верность друг другу. Осознав это, я уже, конечно же, не контролировал ни себя, ни свои эмоции, ни свои действия. Вернуться в реальность, лишь под утро, нас заставил плач малыша.

Он конечно же требовал к себе внимания. А ещё он напоминал о том, что, наконец-то, наш треугольник, состоящий из мужчины, женщины и ребёнка, превратился в нормальную семью. Нет, конечно же, всё же не совсем в нормальную. В семью, где у отца в голове фонтанируют идеи о том, как оформить целый отель. Где мать является то ли «Шемаханской царицей», то ли «Шоколадницей», то ли будущим искусствоведом. А окружающий мир, совсем точно так же, как во вселенной, выстроенный когда-то моей бабушкой для меня, имеет размытые границы с миром сказок, легенд, преданий, прекрасных полотен и творчеством неординарно мыслящих художников. И неважно жили ли эти художники, в далёком прошлом, или же живут сегодня. Во все времена художники, хоть на шаг или два были впереди общества и формировали ту эстетику, которая будет воспринята в полной мере лишь последующими поколениями. Ну, так уж устроен мир.

* * *

И мы, всё-таки, встретились с этим альфа -самцом. Лицом

к лицу. Спустя 15 лет. Мы приехали в Баку на свадьбу. Наши мальчики были уже достаточно взрослыми, чтобы взять их с собой на это свадебное торжество. Каждый из них был фактически точной копией своего отца. Это ещё один большой талант моей красавицы жены. Талант, заключающийся в том, что бы рожать сыновей, являющихся зеркальным отображением своих биологических отцов. Свадьба была уже в стадии, когда начинается молодёжная дискотека и такие люди как я, пытаются скрыться от громкой музыки, бьющей по барабанным перепонкам.

Наши мальчики утащили Мирру танцевать. Меня всегда забавляло, что они сравнивают девочек, с которыми дружат, со своей матерью. И каждый раз девочки проигрывают в этом сравнении. Я вышел в фойе этого зала торжеств. Мне предложили чашку чая. Допив его, я начал оглядываться по сторонам. Лучше бы я этого не делал.

– Можно?

– Да, да, пожалуйста.

Я не сразу узнал его. Альфа-самец куда-то исчез. Передо мной стоял просто грузный мужчина. С явно излишним весом и заплывшими глазами.

– Это же мой сын? Правда?

– А сам то ты как думаешь?

– Тут и думать не надо. И никакие анализы не нужны.

Просто копия. Один в один. Как ты посмел отнять у меня сына?

– А по существу, я ничего и не отнимал. Я просто его вырастил. А по твоему же сценарию, его вовсе и не должно было быть на этом белом свете. Ты приговорил его к смерти. Как палач. Я спас его от гибели и воспитал. И горжусь этим. Точно так же, как горжусь своим младшим сыном. Это мои дети. И родила их мне моя женщина. Но я рад что ты, в конце концов, всё-таки узнал правду. Хотя в общем-то она тебе и не нужна была. Да и ещё я хотел бы сказать тебе «спасибо». Если бы не твой идиотский поступок, может быть, я сегодня не был бы таким счастливым человеком. Но я предупреждаю тебя. Благодаря тебе, я перестал быть тем мягким гуманистом, который способен после пощёчины подставить обидчику вторую щеку. Не приближайся к нам. Не смей вмешиваться в нашу жизнь И забудь всё то, что ты сегодня видел. Мы тебе просто приснились.

И тогда я увидел своего старшего сына. И, конечно же, пошёл навстречу ему.

– Меня мама послала тебя поискать. А это, что за урод был рядом с тобой?

– Да так. Один старый знакомый.

Тысячу раз правы те, кто утверждает, что в молодости мы имеем то лицо, которым нас наградили наши родители. А потом у нас появляется то лицо, которое в точности отражает наше внутреннее «я». Спустя годы, мерзкое нутро этого смазливового альфа-самца было чётко прописано на его постаревшей физиономии. Действительно, урод. Мой старший

сын, как всегда, видел то, что составляет сущность вещей и людей. Точно так же, как когда-то это умела делать моя бабушка.